

Глава 1. Возрождение

Весеннее тепло окутывало землю, а свежий ветерок доносил из внутреннего двора влажный, чистый аромат лотосов, что цвели в пруду.

Рядом с кушеткой, у низкого квадратного столика, застыла изящная фигура. Юноша, откинувшись на спинку, придерживал голову рукой и, прикрыв глаза, казалось, дремал. Длинные и густые ресницы отбрасывали на его фарфоровую кожу легкую тень. Солнечные лучи, тёплые и ласковые, проникали сквозь резную решётку окна и заливали его фигуру, очерчивая её мягким золотистым сиянием. От природы наделённый сияющей, словно снег, кожей и чертами, будто сошедшими с картины, в этом свете он казался неземным созданием, чья красота поражала и обезоруживала.

— Принцесса-консорт, не время для отдыха. Уже час Чэнь, князь скоро вернётся в резиденцию, — с улыбкой произнесла вошедшая в покои служанка в светло-бирюзовом платье. Две юные девушки приподняли для неё занавес, и, пока она говорила, её лёгкая походка уже несла её в главный зал. Её юбки колыхались, словно волны, но поступь оставалась уверенной и плавной, из-под подола лишь на мгновение показывались изящные носки туфель, выдавая отточенную выучку.

— М-м, — Жун Цунцинь лениво приподнял ресницы. Его янтарные глаза, спокойные, как водная гладь, медленно сфокусировались на ярком солнечном свете за окном. Вздёрнутые уголки глаз и пронзительный взгляд придавали его облику, от природы томному и чарующему, оттенок горделивой холодности, который становился заметнее по мере того, как он окончательно просыпался.

— Угощайтесь, принцесса-консорт, — Фу Тун, взглянув на небо за окном, прикинула, что князь и принцесса-консорт будут обедать вместе, а потому не стала просить кухню подавать основные блюда. С этими мыслями она почтительно поставила перед Жун Цунцинем тарелочку с «янтарным» кексом и подала чай.

Жун Цунцинь, разгадав её намерения, бросил на неё лукавый взгляд. Фу Тун с облегчением улыбнулась. Длинные пальцы Жун Цунциня легко обхватили резную красную лаковую чашу с двумя фениксами, он сделал глоток и отставил её в сторону.

— Князь ещё не вернулся? — спросил он, слегка нахмурившись после недолгого ожидания.

— Слуга, ответственный за экипаж, доложил, что князь уже въехал в ворота с висячими цветами. Должно быть, сейчас он уже у вторых врат, — прошептала вошедшая служанка на ухо Фу Тун, и та с улыбкой передала новость.

Фу Тун бесшумно убрала чайную чашку. Две другие служанки унесли квадратный столик и начали накрывать стол с изогнутыми ножками, расставляя палочки, чаши и прочую посуду для обеда.

Заметив, что Жун Цунцзинь держится с ещё большим достоинством и обрёл некую царственную непринуждённость, Фу Тун не удержалась от замечания:

— Когда вы, молодой господин, выходили замуж, госпожа так переживала из-за этого брака, что несколько ночей не могла сомкнуть глаз, всё вздыхала да сокрушалась. А теперь, когда вы здесь, стало ясно, насколько удачным оказался этот союз.

— Мы живём в княжеской резиденции и сами всем распоряжаемся, а князь так заботлив к вам.

— Выглядите вы даже лучше, чем дома.

Среди императорских родственников было немало тех, кто снаружи блистал, а внутри прозябал в нищете. Но их князь обладал властью, богатством и благосклонностью двора. Он был законным сыном покойных императора и императрицы, а наследный принц приходился ему родным братом. Когда после смерти родителей старший брат взошёл на трон, он не забыл пожаловать младшему титул князя.

Согласно уложениям династии Цинь, после восшествия нового императора на престол все принцы должны были получить наделы и покинуть столицу. Но место надела имело огромное значение. Некоторых отправляли в Лянчжоу, Байюэ и другие отдалённые земли, где они жили хуже местных аристократов. Их резиденции насчитывали всего несколько десятков слуг — жалкое и убогое зрелище.

Им же достались богатые земли Юэ. Перед отъездом нынешний император лично проследил, чтобы слуги и экипажи были лучшими из лучших. Они ещё не покинули столицу, а их будущую резиденцию уже перестраивали три или четыре раза.

К тому же, после кончины императора и императрицы отпала необходимость выказывать почтение свёкру и свекрови. Переехав из Ванцзина, он, будучи принцессой-консорт, мог сам стать полноправным хозяином в своей резиденции.

Вся земля Юэ находилась под управлением резиденции князя Су, и никто не смел перечить им. За исключением некоторой инфантильности князя, этот брак был поистине безупречен.

Фу Тун невольно выпрямила спину, её лицо выражало гордость.

— Будь осторожна в словах, — мягко упрёкнул её Жун Цунцзинь, нахмурившись. Разве мог подданный выказывать недовольство браком с членом императорской семьи? Это было равносильно измене. Фу Тун слишком привыкла к беззаботной жизни в княжеском наделе и стала неосмотрительна в речах.

— Служанка осознала свою ошибку, — тут же повинилась Фу Тун, едва договорив, и поспешно поклонилась.

Жун Цунцзинь покачал головой, но ничего больше не сказал. Однако в его голове уже созрел план. Вступая в брак с членом императорской семьи, он понимал, что сопровождающая его прислуга должна быть немногочисленной, но преданной — избыток людей лишь вносил сумятицу. Он взял с собой только двух личных служанок: Фу Тун и Би Тао.

Прошло три года спокойной жизни. Пора было отпустить их, устроить им достойное будущее. Думая об этом, Жун Цунцзинь с улыбкой взглянул на свою всё ещё сокрушавшуюся служанку и начал перебирать в уме надёжные семьи, подыскивая им женихов и обдумывая приданое.

Фу Тун почувствовала, как по спине пробежал холодок, и плечи её слегка дрогнули. Она с подозрением покосилась на господина, опасаясь, что он задумал подшутить над ней.

— Цунцзинь! — В комнату ворвался высокий, статный молодой человек с промасленным бумажным свёртком в руке. На его переносице блестели капельки пота, а взгляд тёмных глаз, обрамлённых густыми бровями, сиял воодушевлением. Едва переступив порог, он начал искать глазами Жун Цунцзиня и, найдя, расплылся в лучезарной улыбке, в которой сверкали звёзды. Показались два острых клыка, что придавало его мужественному лицу простодушное и немного глуповатое выражение.

Позади него, запыхавшись, бежала служанка с накидкой в руках. Она придерживала юбку, забыв о манерах.

— Князь, осторожнее, не упадите! Помедленнее... идите помедленнее.

Жун Цунцзинь поспешно встал, подошёл к нему и, достав платок, осторожно вытер пот с его переносицы и висков.

— Зачем так торопиться? Что за спешка? На улице теплеет, завтра нужно будет достать из сундуков твою летнюю одежду, — с ноткой укора в голосе произнёс он.

— Поместье зеленеет, — Гу Чжао принялся жестикулировать. — Пруд, утят. — Свёрток, перевязанный тонкой верёвочкой, подпрыгнул в его руке. — Пахнет свежей травой, — радостно добавил он. — Поедем, покажу.

Его речь была сбивчивой, и с первого же слова становилось ясно, что с ним что-то не так. Невольно возникало чувство сожаления: такая мужественная и привлекательная внешность досталась безумцу.

— Говори медленнее, — мягко произнёс Жун Цунцзинь, в голосе которого не было и тени презрения. В его светлых глазах затеплилась нежность, и холодная гордость растаяла, словно весенний снег. Он усадил Гу Чжао на кушетку, отряхнул с его одежды пылинки, затем лично налил ему чаю, проверил тыльной стороной ладони температуру и лишь потом пододвинул чашку к нему. Выслушав его бессвязную речь, он ласково сказал: — Хорошо, завтра съездим в поместье, развеемся.

— Угу, — энергично кивнул Гу Чжао. Его ноги, свисавшие с кушетки, беззаботно покачивались. Он смотрел на Жун Цунцзиня с неподдельным восторгом и удовлетворением. Не умея скрывать своих чувств, он впился в принцессу-консорта горячим, сосредоточенным взглядом.

Издали донёлся тихий, добродушный смех. Жун Цунцзинь поднял глаза и увидел, как Фу Тун, поддерживая запыхавшуюся Би Тао, наблюдает за ними из-за жемчужной завесы. Видя нежную идиллию между князем и принцессой-консортом, они не удержались и, прикрыв рты ладонями, хихикнули.

— Осмотр полей — дело важное, князь не должен им пренебрегать, — с лёгким румянцем на щеках кашлянул Жун Цунцзинь, стараясь говорить серьёзно, заметив, что служанки подшучивают над ним.

Их брак был устроен императорской семьёй. Его родители, обожавшие своего сына, были категорически против, узнав, что жених — хоть и принц, но страдает слабоумием. Мать даже упала в обморок от горя. Лишь он один сохранял хладнокровие, понимая, что противиться указу нельзя. Он женился на князе, разделил с ним брачное ложе.

Сам он всегда был равнодушен к сердечным делам и полагал, что с кем бы ни связал свою жизнь, будет лишь изображать почтение, живя за закрытыми дверями своей собственной жизнью.

Но, возможно, из-за детской наивности Гу Чжао, который всем сердцем привязался к нему, даже ледяное сердце Жун Цунцзиня растаяло. Теперь он лишь мечтал, чтобы эти дни длились вечно.

— Угу, — Гу Чжао нетерпеливо отмахнулся от наставлений. По-детски надув губы, он хотел было отвернуться, но, вспомнив, что перед ним его принцесса-консорт, остановился на полпути. Его губы скривились так, будто на них можно было повесить кувшин с маслом.

— Устал за день, да? Давай обедать. Сегодня на кухне приготовили твой любимый фаршированный крабом апельсин, — не желая видеть его расстроенным, мягко сказал Жун Цунцзинь, снимая с него верхнюю одежду.

Гу Чжао снова повеселел. Он вскочил, схватил свой бумажный свёрток, развернул его и протянул Жун Цунцзиню, с гордостью объявляя:

— Пионовые рулеты. Тебе нравятся.

За его спиной невидимый пушистый хвост вилял из стороны в сторону, поднимая облачка пыли, а глаза, устремлённые на Жун Цунцзиня, сияли.

— Хорошо, — с лёгкой улыбкой кивнул Жун Цунцзинь.

— Пионовые рулеты, — повторил Гу Чжао, усаживаясь за стол и увлекая за собой Жун Цунцзиня. Его нетерпение было очевидным. Он впился взглядом в Жун Цунцзиня, словно голодный щенок, ожидая похвалы за принесённое лакомство.

Би Тао с сомнением приблизилась к Жун Цунцзиню и прошептала:

— Принцесса-консорт, князь споткнулся в коридоре. Он не упал, но сладости вылетели из рук и немного испачкались. Может, я унесу их и попрошу приготовить что-нибудь другое? Сегодня на кухне сделали освежающий сливовый суп, я принесу?

Жун Цунцзинь взглянул на свёрток. Гу Чжао, выпрямившись, с гордостью заверил:

— Снаружи бумага испачкалась, а внутри всё в порядке.

Он взял самый целый пионовый рулет из середины и положил его на тарелку с узором из лотосов из бело-голубого фарфора, стоявшую перед принцессой-консортом. Ароматная корочка рулета слегка задрожала, словно капля росы.

Гу Чжао картинно сглотнул слюну и, торопя принцессу-консорта, сам потянулся за другим рулетом.

— Остынут — будут невкусные, ешь скорее.

Гу Чжао выражал свою привязанность просто: всё, что он любил, он тут же отдавал ему, словно улыбка на лице Жун Цунцзиня делала лакомства ещё слаще.

Жун Цунцзинь на мгновение замер. Вероятно, именно эта безграничная, пылкая искренность Гу Чжао и тронула его. Ему было всё равно, что думают и как смеются над ним другие; он всегда с гордо поднятой головой дарил свою любовь.

— Ты же говорил, что купил их для меня. Почему сам начал есть? — Жун Цунцзинь, заметив, что Гу Чжао уже тянет рулет в рот, поспешно съел один сам и, взяв палочки из слоновой кости, перехватил лакомство из рук Гу Чжао, с притворным гневом нахмурившись.

Эти сладости побывали на полу, кто знает, чистые ли они. Жун Цунцзинь, сам будучи брезгливым, не хотел, чтобы Гу Чжао ел купленное на улице, боясь, что тот заболеет. Превозмогая себя, он съел два рулета.

— Хорошо, всё Цунцзиню, — Гу Чжао несколько не рассердился и с довольным видом пододвинул всю тарелку к принцессе-консорту, после чего, подперев подбородок рукой, уставился на него.

— Что ты на меня смотришь? — Пионовые рулеты оказались слишком сладкими. Жун Цунцзинь, съев два лишь для того, чтобы Гу Чжао не ел сомнительное лакомство, отложил палочки.

— Принцесса-консорт красивый, — серьёзно ответил Гу Чжао, накрывая своей ладонью руку Жун Цунцзиня. — Словно небожитель, сошедший с картины.

— Пф!

— Пф-ф! — Би Тао и Фу Тун больше не могли сдерживаться. Опираясь друг на друга, они согнулись от смеха. Даже всегда серьёзная Би Тао не смогла скрыть улыбки. Князь был добр и, любя принцессу-консорта, хорошо относился и к ним, его служанкам. Он никогда по-настоящему не наказывал их, не говоря уже о выговорах. Со временем их страх и скованность перед ним почти исчезли.

Никогда они не слышали, чтобы кто-то делал комплименты так прямо. Если принцесса-консорт — небожитель с картины, то кто же они? Тоже служанки с картины? Неожиданно для себя они стали небесными служанками.

Жун Цунцзиню же было не до смеха. Согласно этикету, такая близость на людях была недопустима и являлась проявлением неуважения. Любой другой на его месте, вероятно, в гневе покинул бы комнату или, в лучшем случае, с трудом изобразил бы улыбку, а за спиной кипел бы от ярости. Но он не чувствовал себя оскорблённым.

Тепло ладони Гу Чжао медленно проникало сквозь кожу, не неся в себе ни капли пошлости, а лишь безграничную заботу и нежность.

Он не умел лукавить, каждое его слово и действие, любовь и ненависть — всё шло от сердца. Жун Цунцзинь медленно повернул голову. Его душа была подобна зеркальному озеру, ясному и чистому. Невидимый хвост Гу Чжао вилял с бешеной скоростью, а в его обычно спокойных, как звёздная ночь, глазах зажглись огоньки ожидания. Взгляд подёрнулся влажной дымкой, и Жун Цунцзиню на миг показалось, что он видит перед собой радостно виляющего хвостом щенка.

Счастье — в умении довольствоваться малым, а беды — от алчности. У Гу Чжао не было амбиций, свойственных членам императорской семьи; все его желания были сосредоточены на одном человеке. Жун Цунцзинь вздохнул. Он был умён и сразу всё понял. Лёгкий румянец, словно от хмельного вина, коснулся его щёк.

— Можете идти... — тихо произнёс он.

Би Тао и Фу Тун, которым тоже нравился этот князь, с улыбкой поклонились и, стараясь не шуметь юбками, одна за другой покинули комнату.

Жун Цунцзинь взял общие палочки и начал накладывать еду Гу Чжао, рассказывая ему забавные истории, которые тот любил слушать. После недолгой беседы он добавил:

— Управляющий задним двором доложил, что Цзисян окотилась. Один из котят как раз того чёрно-белого окраса, который так нравится князю.

— А у него есть цветок? — с интересом спросил Гу Чжао. Проглотив комок риса «яшмовый стебель», он вытянул шею и, указав себе на лоб, взволнованно добавил: — Вот здесь?

— ...Есть.

— Отлично! — Гу Чжао хлопнул в ладоши и, радостно схватив Жун Цунцзиня за руку, смущённо пробормотал: — Назовём его Юаньян. Он будет нашим с принцессой-консортом наследником.

Жун Цунцзинь: «...»

Хоть Гу Чжао и был незрелым умом, но не до такой же степени. Жун Цунцзинь хотел было расспросить его подробнее, но внезапно лоб его покрылся испариной, а пальцы начали неудержимо дрожать.

— Принцесса-консорт, что с тобой? — Даже обычно невнимательный Гу Чжао заметил неладное. Он подхватил Жун Цунцзиня, когда тот начал сползать со стула, и, увидев, как его лицо бледнеет, в панике закричал: — Люди! Помогите!

Би Тао и Фу Тун стояли в коридоре у жаровни, греясь под послеполуденным солнцем и сонно переговариваясь. Услышав крик из комнаты, они тут же бросились внутрь.

— Не бойся... — В животе у Жун Цунцзиня словно проворачивали нож. За мгновение лёгкая испарина превратилась в крупные капли пота, которые срывались с висков и падали на стол. Перед глазами всё поплыло, предметы потеряли чёткие очертания. Боль была такой, будто тысячи мечей пронзали его тело. Собрав последние силы, он прошептал Гу Чжао ободряющие слова, а затем стиснул зубы, чтобы больше не издать ни звука и не волновать его.

— Принцесса-консорт! — Фу Тун бросилась вперёд, не зная, что делать.

— Зови императорского лекаря Ху! — Гу Чжао крепко обнял Жун Цунцзиня и с силой ударил Фу Тун по руке.

Фу Тун, словно очнувшись ото сна, закивала и, подобрав юбки, бросилась прочь. Она чуть не споткнулась о порог, но, не обратив на это внимания, позвала двух служанок и побежала с ними.

— Наверное, утром простудился, — Жун Цунцзинь кашлянул пару раз и почувствовал себя немного лучше. Он с трудом поднял голову и, повернувшись к Гу Чжао, слабо улыбнулся.

— Принцесса-консорт! — внезапно вскрикнула оставшаяся в комнате Би Тао и тут же зажала себе рот рукой.

Её голос был таким пронзительным и отчаянным, что, казалось, мог пробить крышу. Сердце Жун Цунцзиня сжалось. Он почувствовал на губах что-то влажное и липкое.

Он неуверенно провёл по губам тыльной стороной ладони и даже сквозь туман, застилавший глаза, увидел ярко-красный след со сгустками крови.

— Всё будет хорошо, лекарь Ху скоро придёт, — сказал Гу Чжао, торопливо вытирая его губы своим рукавом. Он крепко прижал его к себе. — Ты простудился, выпьешь пару отваров, и всё пройдёт.

Его голос звучал непривычно твёрдо и решительно, а руки с такой силой сжимали плечи Жун Цунцзиня, будто он пытался слить их воедино.

— Непохоже на простуду... скорее, это... — начала было Би Тао, но резкий взгляд Гу Чжао заставил её замолчать. Она сделала шаг назад и больше не смела произнести ни слова.

Внезапное озарение пронзило Жун Цунцзиня. Яд действовал стремительно. Его вырвало ещё несколько раз кровью, и боль стала сильнее, чем прежде. Казалось, внутри него бушевал огонь, сжигая все органы и оставляя лишь пустую оболочку. Постепенно он перестал чувствовать своё тело.

Преодолевая боль, Жун Цунцзинь заставил свой разум работать. Его взгляд метнулся к пионовым рулетам. Вся прислуга на их кухне была привезена из столицы — часть была людьми покойной вдовствующей императрицы, матери князя, а часть — из его родного дома. Перед тем как взять их в резиденцию, он лично всех проверил. Их жизнь и судьба были связаны с княжеской резиденцией, они бы никогда не предали.

Значит, яд был только в одном — в этих пионовых рулетах. Но он был всего лишь принцессой-консортом, не вмешивался в мирские дела и вместе с князем вёл уединённую жизнь в их наделе, редко покидая его. Кому понадобилось его убивать?

И зачем было прибегать к такому смертоносному яду? Причинение вреда члену императорской семьи каралось истреблением всего рода.

Он никогда не совершал ничего дурного. Стоил ли он такого риска? Разве что... целью был не он. Среди мучительной боли разум Жун Цунцзиня на мгновение затуманился, но мысль эта пронзила его, и сердце тяжело ухнуло. В столице — переворот.

— Би Тао, принеси письменные принадлежности, — преодолевая боль, приказал Жун Цунцзинь.

— Молодой господин, может, дождётся лекаря? — взмолилась Би Тао, не находя себе места от тревоги.

— Иди! — властно произнёс Жун Цунцзинь.

Би Тао, что-то поняв, топнула ногой и бросилась за письменными принадлежностями.

Грохот

Жун Цунцзинь последним усилием смёл со стола всю посуду, освобождая место. Би Тао, зная, что дело не терпит отлагательств, не стала доверять это другим. К счастью, Жун Цунцзинь любил каллиграфию, и во многих комнатах резиденции хранились запасные наборы. Схватив один из соседней комнаты, Би Тао, крепко прижимая к себе поднос, вихрем вернулась обратно.

— Отцу моему... — Жун Цунцзинь взял кисть. Перед глазами всё плыло. Его пальцы дрожали. Он нащупал край бумаги и, полагаясь лишь на осязание, быстро написал письмо. Последняя строка была забрызгана каплями крови, которые, словно цветы сливы, расцвели на золотистой бумаге. Не обращая на это внимания, он запечатал письмо красным сургучом и приложил свою личную печать.

— Найди капитана Цинь Чжэна. Прикажи ему собрать стражу и сопроводить князя в столицу. Разделитесь на несколько отрядов, пусть едут в экипажах. Ты же с Цинь Чжэном и верными людьми, бросив обоз, поезжайте налегке тайными тропами... Если... — Жун Цунцзинь замолчал. Его пальцы ослабли, и письмо выскользнуло из рук. Собрав последние силы, он выдавил из себя, чеканя каждое слово: — Если доберёшься до столицы, немедленно найди моего отца. Отдай ему письмо. Умоляй его любой ценой защитить князя.

— Би Тао, я могу доверить это только тебе, — голос Жун Цунцзиня был слаб, как дуновение ветра, а лицо стало пепельно-серым, мертвенным.

— Будьте спокойны, молодой господин. Служанка ценой своей жизни исполнит ваш наказ и не подведёт, — прошептала Би Тао и, сдерживая рыдания, низко поклонилась, ударившись лбом о пол. Она спрятала письмо под нижнюю одежду.

— Князь, не бойся. Би Тао проводит тебя в Ванцин, — прошептал Жун Цунцзинь, прильнув к Гу Чжао. Тяжкий груз упал с его души, но тело стало лёгким и вялым. Холод пробирал до костей.

— Мне не нужна она, — упрямо ответил Гу Чжао, растирая его ладони. Когда Жун Цунцзинь уже не надеялся услышать ответ, он вдруг почувствовал, как на его лоб упала прохладная

капля, и тихий, сдавленный голос произнёс:

Жун Цунцзинь из последних сил открыл глаза, пытаясь снова разглядеть лицо Гу Чжао, но видел лишь размытый силуэт. Однако черты его лица и каждое выражение уже были выгравированы в его сердце. Он представил, как Гу Чжао, нахмурившись, выдал из себя эти слова, и его красивое лицо, должно быть, исказилось. Лёгкая улыбка коснулась губ Жун Цунцзиня, и даже безмерная скорбь отступила перед волной нежности.

— Я, с моим холодным сердцем и эгоизмом, всегда считавший себя умнее всех, уже был вознаграждён судьбой, когда родители так любили меня... А то, что я стал твоей принцессой-консортом... не знаю, за какие добрые дела мне выпало такое счастье.

Он знал, что его жизнь на волоске. В этом хаосе все его мысли были лишь о Гу Чжао. Ему было жаль, что тот, оставшись без родителей, теперь снова останется один. Он обещал быть с ним до конца, но не смог сдержать слова, оставляя его одного в этом жестоком мире. Он беспокоился, что его поспешных распоряжений будет недостаточно, и Би Тао одна не сможет защитить его.

Гу Чжао крепче обнял его, не говоря ни слова, но Жун Цунцзинь даже в тумане забытья почувствовал эту силу, с которой тот, казалось, пытался вдавить его в себя, сделать частью себя. Он вздохнул и, с трудом подняв руку, провёл по щеке Гу Чжао, утешая:

— Князь, не печалься. В этом мире нет ни жизни, ни смерти, есть лишь встречи и расставания.

— Я был счастлив в этом браке, — нежно прошептал Жун Цунцзинь, сжимая руку Гу Чжао. Его пальцы были ледяными, но в них всё ещё жила бесконечная нежность.

Мгновение спустя его рука безвольно соскользнула с ладони Гу Чжао.

Гу Чжао молча, упрямо продолжал растирать холодные ладони своей принцессы-консорта. Он крепко держал в объятиях его лёгкое, как пёрышко, тело, словно боясь, что тот улетит, словно веря, что если он не отпустит, то сможет удержать его навсегда.

Би Тао подняла голову, и её лицо исказилось от горя, будто от удара молнии. Она рухнула на пол и, сгорбившись, зарыдала в голос.

В комнате на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь её тихими всхлипами.

— Князь, принцесса-консорт ушёл, позвольте служанке... — прошептала Би Тао, подползая на коленях и хватаясь за одежду князя. Не успела она договорить, как Гу Чжао одним ударом ноги отбросил её в сторону.

— Замолчи! — взревел он.

Князь никогда не важничал и не повышал на них голоса. Би Тао, служившая Жун Цунциню много лет, чувствовала безмерное горе. Но в её душе жило важное поручение, и, зная, что князь не таков, как все, она с трудом улыбнулась.

— Князь, позвольте служанке приготовить принцессу-консорта в последний путь. Он ведь только что сказал, что завтра вы отправляетесь в столицу.

Гу Чжао долго молчал, его руки, обнимавшие Жун Цунциню, медленно сжимались. Он ничего не сказал, но, казалось, всё понял.

— Уходите, — тихо произнёс он. — Можете забрать из резиденции всё, что захотите. Я... я останусь с ним. Я никуда не хочу.

Би Тао с детства служила Жун Цунциню и была глубоко привязана к нему. Раз господин перед смертью поручил ей это дело, она, зная, что путь далёк и опасен, была полна решимости исполнить его волю. Она хотела было возразить, но услышала, как князь пробормотал:

— Цунцинь говорил, что в землях Юэ красивые горы и чистые реки. Ему здесь нравилось.

Би Тао замерла, не находя слов, и, упав на пол, разрыдалась.

<http://bllate.org/book/13698/1580480>